

Список литературы

1 Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. — М.: Прогресс, 1989. — 416 с.

2 Октябрьское вооруженное восстание: Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 2. — Л., 1967.

3 Старцев В. И. Штурм Зимнего: Документальный очерк. — Л., 1987.

4 Революция 1917-го в России. Как серия заговоров. — М.: Алгоритм, 2017.

УДК 94 (100) "1914/1919"

ОТНОШЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

П. С. КОЖЕМЯКИН

Учреждение образования

«Белорусский государственный университет транспорта», г. Гомель

В русской предреволюционной культуре в трактовке понятия «интеллигенция» критерий занятий умственным трудом отошёл на задний план. Главными признаками российского интеллигента стали выступать черты социального мессианства: озабоченность судьбами своего отечества (гражданская ответственность); стремление к социальной критике, к борьбе с тем, что мешает национальному развитию (роль носителя общественной совести); способность нравственно сопереживать «униженным и оскорбленным» (чувство моральной сопричастности).

Русская интеллигенция, понимаемая как совокупность оппозиционных к власти лиц умственного труда, оказалась в дореволюционной России довольно изолированной социальной группой. На интеллигентов смотрели с подозрением не только официальные власти, но и «простой народ», не отличавший интеллигентов от «господ». Контраст между претензией на мессианство и оторванностью от народа приводил к культивированию среди русских интеллигентов постоянного покаяния и самобичевания.

На первый план в политике большевиков в области культуры сразу же выдвинулась проблема российской интеллигенции — малочисленной (около 2,2% населения), но особо значимой общественной группы, главной носительницы знаний и национальных культурных традиций.

Отношение интеллигенции к большевистской революции не было однозначным, что и следовало ожидать в силу крайней политизации ее значительных слоев. Многие из российских интеллигентов примыкали к различным партиям и оценивали события через призму их доктрин. Особенно большое число политически ангажированных интеллигентов было среди кадетов и умеренных социалистов. Большевики в этом плане уступали им, имея в своих рядах к концу 1917 г. менее 10% работников умственного труда.

В настроениях и, главное, действиях интеллигенции обнаружились два крайних полюса: на одном находились активные противники большевизма, все глубже втягивавшиеся в яростную политическую и вооруженную борьбу с ним, на другом — его убежденные апологеты и сторонники.

И все же подавляющая часть российской интеллигенции заняла нейтральную позицию, воздерживаясь от каких-либо конкретных действий, объявив себя стоящей «вне политики». Но и здесь поначалу преобладали антибольшевистские настроения. Как и у откровенных противников режима, их порождали и сам факт насильственного государственного переворота, и политика властей, которая кардинально расходилась с укоренившимися в этой среде идеалами либерализма и демократии.

В дальнейшем колеблющаяся интеллигентская масса так и не вышла из состояния политически пассивного восприятия быстро менявшихся реалий российской жизни, в то же время постепенно склоняясь к большей гражданской лояльности власть предержащим.

Первые представители беспартийной интеллигенции пошли на сотрудничество с властью вскоре после Октября. Среди них были деятели науки и культуры с громкими именами: ученые К. А. Тимирязев, И. В. Мичурин, И. М. Губкин и др. Огромное впечатление в кругах интеллигенции произвело принятое в марте 1918 г. решение Российской Академии наук предложить Совнаркому свое содействие в изучении природных богатств страны.

Специалисты, превращаясь в советских служащих, чаще всего продолжали внутренне дистанцироваться от большевизма, реже — искренне принимали его идеалы и даже вступали в ряды компартии. Но так или иначе поток «совслужащих» из числа дореволюционной интеллигенции ширился, постепенно захватывая и выходцев из антибольшевистских партий, разочарованных ходом и результатами борьбы с советской властью.

Советское государство, и в годы послевоенной разрухи, и тем более в годы индустриализации, зависело от технической интеллигенции, доставшейся в наследство от царских времён. При этом, многие такие специалисты были скептически настроены к новым коммунистическим лозунгам. Тезис о возможном «предательстве» таких специалистов был выдвинут ещё основоположниками марксизма.

Арестам в то время подвергались «бывшие» — помещики, белые, «кулаки», «буржуи», «торговцы», «попы и церковники», а также группы старой русской интеллигенции. Обвиняемыми в основном являлись (например, по Делу Промпартии, 1930; Дело Трудовой крестьянской партии («контрреволюционной эсеровско-кулацкой группы Чаянова — Кондратьева»), 1930) представители так называемой «буржуазной интеллигенции». Точное число репрессированных в тот период до сих пор не известно.

В феврале 1949 года пресса начала кампанию по борьбе с «космополитами», имевшую явный антисемитский характер. В первые месяцы того года сотни евреев из числа интеллигенции были арестованы в Москве и Ленинграде.

Была выращена новая, так называемая советская интеллигенция.

Список литературы

1 Милюков П. Н. Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюдов. — СПб., 1902.

2 Струве П. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.

3 Милюков П. Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России. — СПб., 1910

4 Интеллигенция в России: Сборник статей. — СПб., 1910. — 258 с.

5 Письмо Н. П. Огарёва Т. Н. Грановскому, 1850 год // Звенья [: сб.] М. — Л., 1932. — Т. I. — С. 101.

6 Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. - М.: Мысль, 1971.

7 Вехи. Из глубины. М.: Изд-во «Правда», 1991.